

16. Guiraud P. La syntaxe du français. Paris, Presses Universitaires de France, 1963. 126 p.
17. Marsais M. du. Logique et principes de Grammaire. Paris, Briasson, 1768. 324 p.
18. Meigret L. Tretté de la grammere françoeeze (1550). Heilbronn, Verlag von Gehr. Henninger, 1888. 211 p.
19. Pottier B. Linguistique générale. Paris, Klincksieck, 1974. 340 p.
20. Sauvageot A. Français écrit, français parlé. Paris, Larousse, 1962. 233 p.
21. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris, Klincksieck, 1959. 670 p.
22. Wagner R. L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. Paris, L. Hachette, 1962. 640 p.
23. Delâtre, M. L. La langue française dans ses rapports avec le sanscrit. Paris, Firmin Didot Frères, 1854. 392 p.
24. Jullien B. Thèses de Grammaire. Paris, L. Hachette, 1855. 508 p.
25. Bain A. A higher English grammar. London, Longmans and Co., 1879. 358 p.
26. Brunot F. La pensée et la langue. Méthodes, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. Paris, Masson, 1922. 954 p.
27. Galichet G. Grammaire structurale du français moderne. Paris, Charles-Lavauzelle, 1970. 248 p.

ИМПЛИЦИТНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ

Бегинина Алёна Олеговна, аспирант, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: ponchick-a@rambler.ru.

В статье рассматривается феномен имплицитности в связи с родственными ей явлениями. Представлены определения этих явлений. В статье предпринята попытка систематизации основных средств выражения имплицитированных компонентов высказывания.

Ключевые слова: имплицитность, эллипсис, импликатура, коннотация, подтекст, пресуппозиция, исходное предположение вопроса, вводные компоненты

IMPLICITNESS AND MEANS OF ITS RECONSTRUCTION

Beginina Alyona O., postgraduate student, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev St., e-mail: ponchick-a@rambler.ru.

The article tells about the phenomenon of implicitness in connection with the corresponding things. The definitions of these things are presented. We tried to systemize the basic mechanisms of reconstructing the implied parts of a statement.

Keywords: implicitness, ellipsis, implicature, connotation, implied sense, background knowledge, background assumption of a question, parenthetical components

Ряд высказываний имеют невыраженный смысл, извлекаемый при анализе. Изучение имплицитности представляет существенный интерес в современной науке о языке. Несмотря на то что феномен имплицитности анализировался на протяжении нескольких столетий, по-прежнему существует ряд спорных моментов относительно сути имплицитной информации, а также базовых механизмов извлечения имплицитных смыслов из высказывания. Понятие имплицитности имеет множество различных толкований, но в большинстве своём они так или иначе связаны с явлениями, родственными имплицитности. Среди таких явлений можно назвать эллипсис, импликатуру, коннотацию, импликационал, подтекст, инференцию, пресуппозицию, исходное предположение вопроса, вводные компоненты. Эти явления используются в качестве средств выражения имплицитных смыслов, но часто они смешиваются с понятием

имплицитности. Нами была предпринята попытка отграничения имплицитности от родственных ей явлений.

Прежде чем рассмотреть средства выражения имплицитных смыслов, мы считаем целесообразным обратиться к понятию имплицитного значения. Мы вслед за М.В. Никитиным придерживаемся следующего определения понятия имплицитного значения: «это прямо не выраженные, но осознаваемые значения коммуникативных актов» [9, с. 627].

Важными элементами теории имплицитности можно назвать средства выражения имплицитных значений, особенности их взаимодействия с эксплицитными значениями, а также роль имплицитных элементов в содержательной структуре речи. К элементам теории имплицитности мы относим такие указанные выше средства выражения имплицитных значений, как эллипсис, импликатура, коннотацию, импликационал, подтекст, инференция, presupпозиция, исходное предположение вопроса, вводные компоненты.

Лингвистический эллипсис как намеренный пропуск второстепенных для выражения смысла слов является не только методом языковой компрессии, но и средством выражения имплицитности. При отграничении эллипсиса от имплицитности, всё же стоит отметить, что он является средством выражения имплицитности, а не синонимом самой имплицитности, так как компрессия в случае использования эллипсиса с одной стороны служит для сокращения времени на произнесение (прочтение) и восприятие высказывания, но, с другой стороны, такая компрессия привлекает внимание реципиента, в результате чего он (реципиент) часто делает попытку проанализировать высказывание с учётом скрытых смыслов. В широком смысле имплицитность приравнивается к эллипсису, а в узком – отграничивается. На наш взгляд, имплицитность стоит отграничивать от эллипсиса, так как эллипсис основан на пропуске какой-либо части высказывания при условии, что пропущенная часть легко может быть восстановлена из контекста. Но при этом такой пропуск не имеет главной целью побудить реципиента сделать что-то согласно интенции автора высказывания.

Импликатура представляет собой то, что подразумевается в высказывании. По М.Л. Макарову, «говорящий передаёт больше того, что сообщают его слова. Он передаёт целый набор контекстно-подразумеваемых представлений, носящих название имплицатур. Имплицатуры позволяют говорить одно и коммуницировать что-то ещё в дополнение к сказанному» [7, с. 122]. Первым дал определение и объяснение этому феномену Г.П. Грайс в своей книге «Personal Identity» [11]. Основной целью имплицатуры является более точное описание небуквального смысла высказывания. Отличительной чертой имплицатур является их неопределённость как для отправителя речевого сообщения, так и для его реципиента. Импликатура имеет место в неполном высказывании, где для интерпретации его смысла необходимо породить одно или более высказывания для уточнения смысла исходного высказывания, подвергающегося интерпретации со стороны реципиента. Импликатура всё же больше связана со смысловым выводом, в то время как имплицитность в большей степени связана с заранее заложенной в тексте сообщении информацией, обусловленной авторской интенцией.

Значение слова состоит из денотативного и коннотативного компонентов. Денотативный компонент обозначает основное, логически обусловленное значение слова, а коннотативный – его оттенки. Коннотация включает дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка [1, с. 126]. Коннотация предназначена для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает культурные традиции общества. Коннотации представляют собой разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определённое отношение к ним [10, с. 85]. Следовательно, нельзя приравнивать коннотацию к имплицитности, так как коннотация отражает итог – готовое отношение к действительности, в то время как имплицитность направлена на формирование этого отношения у реципиента. Но при этом коннотация является средством выражения имплицитности, так как коннотация даёт специфическое

отношение к действительности, которое не всегда бывает универсальным, но часто обусловленным личностными характеристиками реципиентам и внешними факторами.

«От коннотаций <...> следует отличать ассоциации, связанные с обозначаемым предметом, или импликационал. Так, например, необходимыми и достаточными компонентами денотативного значения слова *woman* является *human + female + adult*, но в некоторых культурах предполагается, справедливо или нет – несущественно, что женщинам свойственны мягкость, изящество, доброта, или болтливость, или застенчивость. Эти компоненты входят в импликационал слова *woman* и проявляются в значениях лексико-семантических вариантов или производных слов (ср. *womanly, manly*)» [2, с. 116]. «Потенциальные семы или импликационал – открытая вероятностная структура неконечного множества признаков, отражающих предметно-логические ("импликационные") связи интенционала» [8, с. 27]. Не стоит приравнивать импликационал к имплицитности, так как импликационал представляет собой совокупность признаков и характеристик слова, которые являются в основном относительно стабильными (они могут варьироваться в разных культурах), в то время как имплицитность – это не совокупность признаков, характеризующих значение слова, а скрытая в нём информация, которая может быть разной в зависимости от авторской интенции.

Ещё одно явление, с которым иногда ассоциируют имплицитность, – это подтекст. Мы вслед за Долининым трактуем подтекст как «содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено при его восприятии» [5, с. 40]. Подтекст непосредственно выражается в двуслойной организации текста – его контекстуальные значения выражаются эксплицитно и имплицитно, во втором слое присутствует подтекст. При этом роль подтекста как средства выражения имплицитности в тексте прослеживается через многоуровневое противопоставление, взаимодействие и сравнение различных компонентов (указанные процессы позволяют осознать наличие подтекста). На наш взгляд, подтекст следует отграничивать от имплицитности, т.к. подтекст не есть сама имплицитная информация, он лишь позволяет увидеть подразумеваемые смысловые мотивировки, которые объясняют связь между отдельными элементами текста, до того казавшимися совмещёнными случайно, следовательно, подтекст является средством выражения имплицитности, но не самой имплицитностью.

Следующим явлением, связанным с имплицитностью, является инференция. Мы вслед за И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой, Г.Г. Почепцовым понимаем под инференцией «неявное суждение, также не-пресуппозиционного типа, которое является лишь возможным, но не обязательным в связи с основным суждением» [6, с. 266]. Следовательно, инференцию нельзя приравнивать к имплицитности, т.к. имплицитные смыслы выводятся из эксплицитной информации, и на них не влияет количество заложенной информации в исходном высказывании, в то время как инференция, извлекаемая из высказывания с неполным набором информации, всё же влияет на параллельное извлечение имплицитной информации, следовательно, является средством выражения имплицитности.

Что касается такого явления, как пресуппозиция, то она фактически является основой для моделирования и выражения мысли, ибо пресуппозиция – это «совокупность условий, которые необходимо удовлетворить, чтобы: – сделать уместным употребление данной структуры высказывания; – данное коммуникативное намерение (говоря философским языком, данная внеречевая сила) было эффективно воплощено в конкретном высказывании; высказывание было правильно понято в своём прямом смысле» [4, с. 1]. Следовательно, пресуппозиция – лишь средство выражения имплицитности, но не сама имплицитность, так как пресуппозиция (от англ. *presuppose*) даёт лишь намёк на предполагаемое содержание информации, но не есть подразумеваемая информация.

Ещё одно средство выражения имплицитной информации – это так называемое исходное предположение вопроса. Оно представляет собой информацию, которая является следствием любого потенциально возможного ответа на поставленный во-

прос, кроме отрицательного. В виду того что при ряде вопросов реципиент предполагает, что отрицательный вопрос на них невозможен, ибо отправитель сообщения не будет задавать беспочвенный вопрос, он в большинстве случаев примет исходное предположение вопроса как правильное и данное. В качестве примера можно рассмотреть следующее высказывание: *Кто пойдёт к доске?* Очевидно, что ответ предполагается только положительный – *Кто-то всё равно пойдёт к доске.* Но исходное предположение вопроса нельзя приравнивать к имплицитности как таковой, так как оно не даёт намека на какой-либо конкретный ответ. Ответ может быть любым, но не отрицательным, а положительных ответов на один и тот же вопрос может быть множество, в то время как имплицитность подразумевает лишь один ответ, обусловленный авторской интенцией. В то же время исходное предположение вопроса может быть использовано в качестве средства выражения имплицитности, так как один из вариантов ответа может быть обусловлен как раз авторской интенцией, а в случае использования исходного предположения вопроса в качестве средства выражения имплицитности предполагаемый неотрицательный ответ обуславливается авторской интенцией.

Вводные компоненты как средство выражения имплицитности выражают мнение отправителя сообщения, а также его отношение к тому, о чём он говорит, «вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [3, с. 70–71]. Вводные компоненты выражаются с помощью вводных конструкций, которые также называются парентетическими. Имплицитность вводных компонентов характеризуется прежде всего побочным эффектом, т.е. информация, передаваемая вводными компонентами, рассматривается реципиентом сообщения как второстепенная, побочная. Сниженная коммуникативность вводных компонентов позволяет отправителю сообщения имплицитно передать информацию, к которой он не хочет привлекать основное внимание реципиента, либо потому, что она действительно носит вторичный характер, либо в силу того что она сомнительна. Но вводные компоненты нельзя приравнивать к имплицитности, так как они лишь привлекают внимание к тому отрывку высказывания, где есть более существенная имплицитная информация. Привлекая внимание к семантически значимым частям высказывания со скрытым смыслом, они становятся средством выражения имплицитности.

Таким образом, мы подчёркиваем ещё раз, что имплицитные значения – это «это прямо не выраженные, но осознаваемые значения коммуникативных актов» [9, с. 627], а для их выражения используется ряд средств, перечисленных выше, с основной прагматической установкой на оказание воздействия реципиента.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова / Ю. Д. Апресян // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 766 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – Ленинград : Просвещение, 1981. – 295 с.
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах // Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – Москва : Изд-во АН СССР, 1975. – 559 с.
4. Губенко Е. И. Предварительные условия реализации дискурса судебной защиты / Е. И. Губенко. – Тверь, 2006. – 125 с.
5. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
6. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка : учеб. / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – Москва : Высшая школа, 1981. – 285 с.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.
8. Никитин М. В. Лексическое значение слова / М. В. Никитин. – Москва : Высшая школа, 1983. – 127 с.

9. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пос. / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Научный центр проблем диалога, 1996. – 756 с.
10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 143 с.
11. Herbert Paul Grice «Personal Identity», *Mind* 50, 330 – 350; reprinted in J. Perry (ed.), *Personal Identity*, University of California Press, Berkeley, 1975. – P. 73–95.

References

1. Apresjan Ju. D. Konnotacii kak chast' pragmatiki slova // Ju. D. Apresjan. Izbrannye trudy, t. 2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. Moscow, Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. 766 p.
2. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka (stilistika dekodirovaniya). Leningrad, Prosveshhenie, 1981. 295 p.
3. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah // Izbrannye trudy. Issledovanija po russkoj grammatike V.V. Vinogradov. Moscow, Academy of Sciences SSSR Publ., 1975. 559 p.
4. Gubenko E. I. Predvaritel'nye uslovija realizacii diskursa sudebnoj zashhity. Tver, TGSNA, TIPLiMK, 2006. 125 p.
5. Dolinin K. A. Implicitnoe sodержanie vyskazyvaniya // Voprosy jazykoznanija, 1983, № 6, pp. 37–47.
6. Ivanova I. P., Burlakova V. V., Pochepcov G. G. Teoreticheskaja grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka. Moscow, Vysshaja shkola, 1981. 285 p.
7. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. Moscow, Gnozis, 2003. 280 p.
8. Nikitin M. V. Leksicheskoe znachenie slova. Moscow, Vysshaja shkola, 1983. 127 p.
9. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoi semantiki. Uchebnoe posobie k kursam jazykoznanija, leksikologii i teoreticheskoi grammatiki. Sankt-Peterburg, Nauchnyj centr problem dialoga, 1996. 756 p.
10. Teliya V. N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. Moscow, Nauka, 1986. 143 p.
11. Herbert Paul Grice «Personal Identity», *Mind* 50, 330 – 350; reprinted in J. Perry (ed.), *Personal Identity*, University of California Press, Berkeley, 1975, pp. 73–95.

СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И СЕМАНТИКА СЛОЖНОПРИЧАСТНЫХ СОЕДИНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Бударина Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: tatjana-budarina@yandex.ru.

В статье подтверждается тезис о неоднородности состава грамматического класса причастий современного немецкого языка и его тесной связи с именем прилагательным на основе описания семантики сложнопричастных соединений.

Ключевые слова: семантика, сложнопричастное соединение, стиль, сфера, статус, стилистическая окраска

SPHERES OF USE AND SEMANTICS OF COMPOUND PARTICIPLE WORDS IN MODERN GERMAN LANGUAGE

Budarina Tatyana A., D.Sc. (Philology), Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev St., e-mail: tatjana-budarina@yandex.ru.

The article confirms the thesis on the heterogeneity of grammatical class of participles and the close connection of this class of words in the modern German language with an adjective by describing of semantics of compound participle words.

Keywords: semantics, compound participle word, style, sphere, status, stylistic coloration